

считать себя единственно важной и бороться в смысле рыцарства против несправедливости, оказывать помощь притесняемым, то она делается смешной. В этом состоит комизм сервантесовского Дон-Кихота» [15, с. 200].

Время изменилось — мысль и облик героя остались прежними. Дон-Кихот — человек, чьи устремления разошлись с направлением истории. Отсюда видно, что негативность Дон-Кихота понимается исторически. Сам он отнюдь не негативен, но, напротив, исполнен многих достоинств; бесперспективно же направление его практических интересов и поступков. Исторический момент отличает «негативность» Дон-Кихота, в понимании Гегеля, от критики этого персонажа в эпоху классицизма и Просвещения.

Интерпретация Белинским Дон-Кихота во многом близка к гегелевской. В рецензии «Кузьма Петрович Мирошев...» (1842) критик писал: «Дон-Кихот — благородный и умный человек, который весь, со всем жаром энергической души, предался любимой идее; комическая же сторона в характере Дон-Кихота состоит в противоположности его любимой идеи с требованием времени, с тем, что она не может быть осуществлена в действии, приложена к делу» [16, т. VI, с. 34]. Для Белинского (как и для Гегеля) вне сомнения субъективные достоинства Дон-Кихота, благородство и значительность его помыслов; но также вне сомнения его историческая несовременность, несвоевременность.

Подобный взгляд получил широкое распространение, так как отвечал самому духу 40—50-х годов прошлого века. Он вошел в литературный обиход, слился с реалистическим умонастроением времени.

Когда Белинский в статье «Тарантас» (1845) обличал славянофильские взгляды персонажа соллогубовской повести Ивана Васильевича (мета в другую, реальную фигуру И. В. Киреевского), то он призывал на помощь рыцаря печального образа. «Что такое *Иван Васильевич*? — Это нечто вроде маленького Дон-Кихота... Живя совершенно в мечте, совершенно вне современной ему действительности, он лишился всякого такта действительности и вздумал сделаться рыцарем в такое время, когда на земле не осталось уже ни одного рыцаря...» [16, т. IX, с. 80]. Впоследствии свою статью об И. Киреевском Д. И. Писарев так и озаглавит — «Русский Дон-Кихот» (1862).

С другой стороны, к дон-кихотовской параллели охотно прибегал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии...» (вошедшей в «Выбранные места из переписки с друзьями», 1847), Гоголь писал, что комедия «Горе от ума» обличает «дон-кишотскую сторону нашего европейского образования, несвязавшуюся смесь обычаев, сделавшую русских не русскими, но иностранцами» [17, т. VIII, с. 397]. В сохранившихся главах II тома «Мертвых душ», вышедших в 1855 г. (Тургенев был среди тех, кто прочитал их еще до опубликования двумя годами раньше), содержались резкие выпады против «Дон-Кихотов просвещения» и «Дон-Кихотов человеколюбья». «Ведь досадно то (жалуется Костанжогло), что русский характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было» [17, т. VII, с. 198—199].

Содержание, вкладывавшееся Белинским и Гоголем в понятие «донкихотство», было различным, но в обоих случаях подразумевалось нечто анахронистическое, резко отклонившееся от требований времени и национального развития.

И вот после всего этого русский читатель услышал от Тургенева, что Дон-Кихот — выражение прогресса! Интерпретация сервантесовского персонажа произвела впечатление не только своей позитивностью, так сказать, переменной знака — с «минуса» на «плюс» [9, с. 13—31], — но ее очевидной несовременностью, несоответственностью духу времени. На фоне традиции она могла показаться неким романтическим рецидивом, оскорблением «такта действительности», возвратом к точке зрения А. Шлегеля, Сисмонди и Шеллинга. Поскольку же этот шаг исходил от Тургенева — одного из признанных вождей новой реалистической школы, единомышлен-